В последний день зимы выйти из аэропорта Неаполя навстречу весеннему ветру...

Вдохнуть в себя далёкое пока ещё море…

Затянуться первой, по-весеннему горькой сигаретой.

У входа – солдат с автоматом наперевес и таким видом, что невольно прижимаешься к пепельнице: не дай бог окурок уронить на мостовую – пристрелит. С кем воюет Неаполь?

– Очередной наплыв эмигрантов, – отвечает женщина на автобусной остановке.

Нам вместе ехать до Сорренто. Она там живёт. Два года как. Обездоленные дети Донецка разбрелись по всей земле.

– Такой город был! Всё уничтожили. А вы нам не помогли. В Европе коричневую чуму остановили, а нас бросили…

Раньше бежали на север, теперь на юг. Кто куда. Кто-то неплохо устроился, кто-то моет полы. У всех в голосе слёзы при упоминании родного города. Потерянного для них навсегда. Страшно, когда некуда возвращаться. То есть «куда» – теперь точка обратного отсчёта в прошлое, белое пятно на перекроенной карте Украины. Не к чему возвращаться.

– В первую очередь разбомбили больницы. От нашего дома остался один подвал. Там мы молились, чтобы сразу, чтобы не мучаться, медикаментов нет никаких, даже обезболивающего, – рассказывал мужчина в мурманском поезде за год до того.

Мы вышли покурить в тамбур, и он вдруг присел на корточки, спрятав голову между коленями. Моя неисправная зажигалка. Свистящий звук. Как от пули.

– Привычка, – объяснил он.

Взял с меня обещание, что напишу о его семье. Тогда я ещё верила, что можно вот так, со слов, записать чью-то исповедь и она станет всеобщей памятью. Папа встречал на перроне с грустной улыбкой: «Что, опять не спала всю ночь?» Последнее место, где может заснуть писатель, – это поезд на север, хотелось ответить мне.

Думала написать рассказ на разные голоса из нескольких живых историй, повторяющих и дополняющих друг друга. Заглавие, конечно, «Поезд на север», ибо север тогда казался мне последним пристанищем человека.

Я не выполнила обещания. Не смогу. Потому что поезда мчатся в разные концы света. А ещё летят самолёты. Тоже по кругу, вокруг земли.

* * *

Сорренто – город из моих снов. Высоко над морем. Апельсиновый рай над бездной, окружённый горами. Воздух пахнет началом начал. Так пахнет новый год, новая жизнь. Цитрусовый аромат особенно ярок после дождя, озон – как чистое стекло бокала, где плещется свежевыжатый апельсиновый сок. Рекламная картинка, открытка.

Приехала, как всегда, в грозу. Как всегда, заблудилась. С чем-то это связано. Точно так же, как существует связь между тем, что апельсиновые и лимонные сады разрастаются у подножий вулканов. Так и мои блуждания в лабиринтах смысла… Моя классная руководительница преподавала геометрию и люто меня ненавидела. С тех пор с пространственным мышлением и ориентацией на местности у меня всё плохо, а конфликт между физиками и лириками разрешён ещё в школе в пользу последних. Я не чувствую сторон света. Всё, что могу: в ясную ночь указать на север, ранним утром – на восток, на закате – на запад. И никакие карты не спасают от того, чтобы не поплакать на чьей-то чужой лестнице с мыслью, что придётся ночевать на улице в грозу.

Никто в городе не знал, где искать улицу Святого Бернандино. Петляешь, петляешь, кажется, что по кругу, потому что отовсюду виден Везувий как напоминание: memento mori. Дыши! Вышла на пустынную набережную. Высоко-высоко над морем. Летишь в пропасть, и никакие перила не удержат. Громадный альбатрос на перилах долго смотрел на Везувий, потом поднял голову, будто собирался молиться, и издал страшный клич на разные голоса всех пернатых. Почудилось: заговаривает вулкан. После грозы начнётся извержение.

Только не впадать в отчаяние. Надо найти себе временный дом. Язык доведёт…

Помог таксист: «Там находится офис полиции». И добавил с улыбкой: «У нас тихий город, поэтому никто и не знает где».

Уже в постели подумалось: «Какой долгий день!» В путешествии жизнь растягивается, потому что выбиваешься из привычной колеи, вечно влипаешь в приключения и вынуждена думать о самых простых вещах: где поесть, как найти ночлег, укрыться от дождя. Так, наверное, живут кочевники. И паломники, или странствующие монахи. Божьи птицы.

* * *

Утром окно распахнулось в стену.

Стена зелёная, увитая плющом. Живая, скребётся, копошится: ящерки, мелкие грызуны, птички. Над окном кто-то ухает. Ночью сквозь сон решила, что ухают наши ушастые совы. Они на зимовку в Италию прилетают, как и я.

Но солнце уже высоко, синее-синее небо над головой, а сова заливается, будто в безвременье.

Когда открываешь новые пространства, меняешь сторону света, вдруг сознаёшь, скольких имён ты не знаешь. Как на самом деле зовут сову? А вон то дерево пиния или ливанский кедр? Каждая страна начинает ассоциироваться с деревьями или цветами. Греция для меня, например, олеандры, Сицилия – гибискусы, Мальта и Тунис – оливковые деревья. Названия, которые я *увидела* там впервые.

– Ты всегда меня удивляешь.

– Значит, я – твоя вечная юность. Говорят, человек начинает стареть, когда перестаёт удивляться.

…читать стихи у раскрытого окна. Свежесть утра – новые смыслы.

…изобрести двадцать первый способ прикурить без зажигалки в номере отеля для некурящих. На этот раз – от фена. Современная Робинзонада. Не бежать же из-за какой-то зажигалки с утра в супермаркет.

…протянуть руку, сорвать апельсин с ближайшей ветки и съесть. Апельсиновые деревья в Сорренто – даже не берёзы, а тополя. Апельсины валяются под ногами – бери не хочу. С голоду точно не помрёшь, но зачешешься. И тут до меня дошло: ирония Джона Фанте имеет двойное дно. Мой любимый герой, писатель Артуро Бандини, приезжает покорять Лос-Анджелес. Безденежье. Писательская судьба. Голодает. Питается одними апельсинами – они у него тоже там за окном растут. А кто Бандини по происхождению? Уроженец юга Италии. На его родине апельсины – сорная трава. М-да… город песков Нового Света испытывает его на прочность не просто жестоко, а изощрённо жестоко. Гениальная пытка судьбы. Человек бы такого не выдумал, хоть по образу и подобию сотворён. У нас столько времени нет на сочинительство. А у Бога – вечность.

Подумалось, что жестокость не свойственна только по-настоящему ленивым. Чтобы ненавидеть или мстить, нужна сила воли. А я, лёжа на диване с книжкой в руках, просто вычёркиваю или стираю названия, имена. Моя маленькая вселенная полна чёрных списков и белых пятен.

«Простить – значит забыть», – писал Борхес.

Из тех, кого я забыла, можно составить… нет, не город, но деревенька на берегу озера вполне заселится. Пусть живут дружно и счастливо!

* * *

Поезд до Неаполя останавливается в Помпее. Солнечный полустанок. Горный ветерок.

Направо – музей Геркуланума. Передёрнуло. Памятник природному крематорию. Поразили картины в книге музея: непристойное порно небесной чистоты. Они так жили, безо всяких запретов, восхищались человеческой плотью, испытывали радость бытия – и ничего не боялись.

Впервые в жизни захотелось украсть. До страсти, до головокружения. Юный и бедный Артюр Рембо воровал книги, чтобы стать поэтом…

«И в музей, и на Везувий вы не успеете, выберите что-то одно», – посоветовал гид.

Я выбрала.

Извилистые дорожки лавы по склонам Везувия – застывшая во времени смерть. Кажется, наблюдаешь пути в небесный город. С вершины смотришь на неаполитанский залив: как на ладони всё побережье, вгрызающееся в море – и внезапно отступающее перед вечностью. Ибо сила её в непрерывном движении. Вода точит камень.

Туристы ставят посохи у прилавка кафе и залпом осушают бокал воды или красного вина. Празднуют восхождение. Победу над горой. Говорят: «Покорили вершину». Вешают замки на перила, точно защёлкивают на запястьях пленного вулкана наручники.

Альпинисты бы им рассказали, к чему на настоящих горных тропах приводят такие романтические штампы. С горой можно только слиться. Покориться ей – и унаследовать частицу её силы.

На вершине Везувия мне подарили браслет из кусочков кораллов и лавы.

Слились в нём море и горы!*

* * *

Странное совпадение: успела на Везувий, но не успевала в Геркуланум; прошла пешком всё побережье Капо Ди Сорренто, где гулял Максим Горький, написала стихотворение, может быть, в том же кафе, где он писал «Сказки об Италии», но так и не нашла виллу с именной табличкой, где он жил.

И будто кто-то шепнул на ухо: «Мемориальные таблички – ложь. Потому что пишутся в прошедшем времени: жил, работал. А поэты, писатели воскресают в своих текстах. Бесконечное настоящее. Вечное время».

В Капо Ди Сорренто меня отправил хозяин лимонного сада. Пробовала лимончелло. Разговорились. Оказалось, у него есть друг, влюблённый в Россию. Каждый год в феврале он приезжает в столицу погулять по Красной площади вокруг Кремля под падающим снегом. Утверждает, что ничего красивее в жизни не видел. Хотела сказать: «Езжайте лучше в Петербург, имперская, европейская столица. А Москва – “золотая дремотная Азия”», но передумала. Солнце встаёт на востоке.

Друг, читающий и Горького, и Достоевского, и Толстого...

С грустью поняла, что удаётся найти общий язык за пределами России только с читающими русскую классику. Родной язык определяет всё: мысли, чувства, действия, мироощущение, сознание, бытие. И потому английский как международный эсперанто мне кажется вытертым до дыр, итальянский – бравурной музыкой, французский – языком не любви, но гурманов, мурлыканьем довольной кошки. А русский шипит, как грешник на сковороде, и огненные капли летят во все стороны, обжигая души. Так же жарко горит и жжёт в переводах? Вопрос...

---

*Артюр Рембо: «Что обрели? Вечность! Слились в ней море и солнце!»

«Поэт – средство существования языка», пишет Бродский в речи для Нобелевской премии. Не важно, сколько на нём говорит человек, важно – сколько и как написано книг.

Человек состоит из библиотеки прочитанных и написанных книг. А язык – отправная точка во времени и пространстве.

«Позиция», – тут же поправили бы меня в редакции зарубежного литературного журнала, где когда-то работала. И спросили бы: почему до сих пор не устраиваем майдан на Болотной площади? Книги как средство просвещения должны отстаивать демократические идеалы.

А мне кажется, книги никому ничего не должны. Они – «шелест времени». И единственная задача писателя сохранить *своё* время, а оно – в деталях: шуршание шин по асфальту, солнечный ветер, поцелуй в сомкнутые веки… Живу в башне из чёрного дерева и даже не знаю точно, кто у нас сейчас президент. Потому что Россия для меня – есенинские берёзки, восковые свечи и московские узкие улочки. И книги. О том, что на какой бы войне человек ни родился, единственное, чего он по-настоящему хочет, – это работать, строить дома, сажать деревья, любить и растить детей.

Согласна, неразрешимый спор. Как и о личном выборе: Толстой – Достоевский, Пушкин – Лермонтов, Гоголь – Горький...

Понятно, который мой.

«Шинель» – бесконечная цепь постыдных унижений, а Русью-тройкой правит нерусский. Русский человек – созерцатель, он на печи лежит, думает, а не суетится, скупая чужие мёртвые души.

Личный выбор строится на эмоциональном восприятии мира, а не логическом, концептуальном. Выбираешь сердцем, не разумом.

Идеал же – вообще сказка.

Но даже сказочники знают: «Нет сказок лучше, чем сама жизнь»*. Жизнь, а не смерть. Созидающий Эрос, который строит города, пишет книги или плодит детей. И это – красная песня, потому что красный – живая кровь и огонь домашнего очага.

Красный – всегда рассвет, рождение солнца.

* * *

А ещё красный цвет – это красота.

Я могла бы рассказать о путешествии на сказочный остров Капри или в город миллионеров Позитано. О причудливых скалах над морем и красоте, которую хочется обнимать глазами…

Но не стоит. Профессиональные фотографы не ценят пейзажные открытки, потому что их красота всем очевидна – и тем испорчена. Первозданность – сестра открытия. Заново созданная красота – мать бесконечных открытий. А мир создан словом.

Название Vallone de Moline переводится как «Долина мельниц». И я создаю её заново – на своём языке. На скандинавском севере, откуда я родом, существует легенда о мельнице Сампо.

Сампо выковал кузнец Ильмаринен, герой эпоса «Калевала», вместо свадебного выкупа за дочь хозяйки Похьялы, или Севера. Мельница намолола всем счастья, но люди не смогли поделить его между собой, каждый хотел волшебный подарок только себе. В результате борьбы

---

* Эпиграфом ко всему циклу «Сказки об Италии» М. Горький поставил слова Андерсена: «Нет сказок лучше тех, которые создаёт сама жизнь».

мельница утонула. С тех пор Онежское озеро считают морем изобилия. Мельница на дне много веков мелет и мелет общее счастье.

Долина мельниц раньше вела к морю, в современном Сорренто она разделена площадью и мостами, и в неё уже не спуститься. Помните растиражированные в интернете открытки с затерянным в горах средневековым замком, увитым плющом? Это мельница девятнадцатого века – в пропасти под мостом. Прямо под ногами у тех, кто по-прежнему верит в сказки.

На мосту расположился лучший ресторан города. Я вспомнила о нём, когда утром в кошельке обнаружилась пустота…

Черноглазый жрец долины мельниц. Боги взяли ровно столько, сколько смогла пожертвовать.

Тем же вечером я открыла для себя три вещи:

Нет ничего вкуснее библейского ужина: хлеб и вино.

Деньги не подушка безопасности, а поток энергии. То, что было отнято, с лихвой возвратилось: пришло письмо от заказчика с новым контрактом.

Счастливым и благодарным судьбе можно и должно быть в любой ситуации.

Так что теперь для меня Долина мельниц – храм богов плодородия. Даже слова «площадь» по-итальянски и название «Сампо» латинскими буквами пишутся одинаково: Campo.

Интересно, кому всё-таки принадлежит легенда: создателю или всем, кто в неё поверит?

…В день отъезда подул влажный ветер, в город возвращалась гроза. Я забрала солнечную весну Сорренто в Москву. Ранним мартом у нас плюс двенадцать.

Вернусь ли ещё раз?

Нет.

Новой жизни – новые правила. Слишком она коротка, чтобы возвращаться даже туда, где была бесконечно счастлива и свободна. Следующей весной меня ждёт другая страна и другое солнце. Новое.

Потому что заграница для меня – картонные декорации к сериалу под названием «Странник», а фестивальное кино со смыслом надо снимать на родине.

Февраль–март 2017. Сорренто, Италия